

лии. Борьба с работорговлей в XIX в. сильно напоминает современную «войну с наркотиками» правительства США — как по своей популистской направленности, так и по крайне малоэффективным результатам.

¹² Абрамова С. Ю. История работорговли на Верхне-Гвинейском побережье (вторая половина XV—начало XIX века. М., 1966. С. 166.

¹³ Интересно отметить, что среди тех, кто поддержал запрет трансатлантической работорговли, были и американские рабовладельцы-южане. Дело в том, что сокращение поставок из Африки повышало цены рабов, уже живущих в Соединенных Штатах, и, следовательно, богатство их владельцев. Уже в начале XIX в. североамериканские негры-рабы имели достаточно высокий уровень жизни и достаточно низкую смертность, а потому могли воспроизводить сами себя, так что южные рабовладельцы не волновались о нехватке рабов.

¹⁴ См., например: Супоницкая И.М. Американский Юг в романе М. Митчелл «Унесенные ветром» // Проблемы американистики. М., 1990. С. 36–45.

¹⁵ Цитаты даются по изданиям: Бичер-Стоу Г. Хижина дяди Тома. Киев, 1987; Митчелл М. Унесенные ветром. Т. 1–2 (Библиотека сентиментального романа). Ростов-на-Дону, 1992.

¹⁶ Цит. по: Супоницкая И.М. Антиномия американского Юга: свобода и рабство. М., 1998. С. 88.

¹⁷ И сама Г. Бичер-Стоу, и другие аболиционисты XIX в. приводили конкретные факты об убийствах рабов их хозяевами. Однако эти эксцессы доказывают типичность убийств рабов не в большей степени, чем, например, поведение эксцентричного миллионера, выбрасывающего новый «мерседес» из-за сломанной пепельницы, доказывает типичность такой бесхозяйственности для всех бизнесменов.

¹⁸ Фолкнер У. Статьи, речи, интервью, письма. М., 1985. С. 389.

¹⁹ Подобная история — совсем не сусальный вымысел. На Юге были, как не странно, свободные цветные, которые имели собственные поместья и даже своих рабов (!). Это — результат сентиментальных чувств некоторых рабовладельцев к своим любовницам-рабыням, получавшим в придачу к свободе еще и приличное имущество.

²⁰ Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт. М., 1993. С. 263.

²¹ Там же. С. 230.

²² Супоницкая И.М. Антиномия американского Юга: свобода и рабство. С. 41.

²³ «...Экономически Юг рос, но не развивался» (Рэнсом Р., Сатч Р. Капиталисты без капитала: бремя рабства и влияние освобождения // Аграрная эволюция России и США в XIX—начале XX века. Материалы советско-американских симпозиумов [Таллинн, июнь 1987 г.]. М., 1991. С. 177.).

²⁴ Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт... С. 227.

²⁵ Сторчевой М.А. Лекция 38. Раздел 3. Цена раба // Экономическая школа. Выпуск 4. СПб., 1998. С. 179–189.

²⁶ М. Сторчевой использовал данные из работ американских клиометриков, собранных в книге: The Reinterpretations of American economic history. Ed. by R. Fogel, S. Engerman. N.Y., 1971.

²⁷ Рэнсом Р., Сатч Р. Капиталисты без капитала... С. 187.

²⁸ М. Сторчевой, видимо, опирался на сделанные в 1920-е гг. оценки У. Филлипса (он приводит для 1840 г. цифру 1020 долл.), которые в более поздних научных публикациях признаны несколько завышенными.

²⁹ Fogel R., Engerman S. Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. [1st ed.] Boston: Little, Brown, 1974. Vol. 2. P. 84.

В.Д. Борисова
А.Ю. Саломатин

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И РОССИИ В КОНЦЕ XIX в.

США продемонстрировали миру пример динамичной индустриализации в условиях переселенческого капитализма с его изобилием природных ресурсов и земельных пространств, отсутствием феодальных пережитков и благоприятной политико-правовой инфраструктурой¹.

Однако страны Западной Европы и Россия представляли общества с устоявшимся цивилизационным развитием, и это накладывало серьезный отпечаток на характер и темпы индустриализации.

Великобритания — пионер промышленного переворота, к середине XIX в. обладала огромным экономическим превосходством над своими европейскими соседями и сполна использовала свое положение лидера мировой торговли. Как восторженно писал в 1865 г. один англичанин: «Степи северной Аме-

рики и России — это наши поля для выращивания зерна, Чикаго и Одесса — наши амбары; Канада и район Балтики — наши лесоразработки; в Австралоазии находятся наши овцеводческие фермы, а в Аргентине и Западных прериях пасутся стада нашего скота; Перу посылает свое серебро, а золото Южной Африки и Австралии притекает в Лондон; индусы и китайцы выращивают для нас чай ... Испания и Франция — это наши винодельческие фермы; и Средиземноморье — это наш фруктовый сад, а наши хлопковые плантации, которые долгое время занимали юг Соединенных Штатов, теперь распространились во все направления, в теплые районы земного шара².

Впрочем, при известной гиперболичности сказанного к 1850 г. такие базовые отрасли, как текстильная, добывающая, металлургическая, в полной мере выйдя на международные рынки, давали Великобритании огромные преимущества в конкуренции на мировой арене³.

В дальнейшем, несмотря на наметившееся в последние десятилетия XIX в. отставание Великобритании от США по производительности труда и приросту экспорта⁴, блок отраслей экономики (промышленность, горное дело, строительство), составляющих основу индустриализации, кардинально увеличил свой вес. В то время, как численность рабочей силы во всех промышленных отраслях возросла за последние 60 лет в 2,7 раза, горная промышленность и строительство дали прирост в 4,1 и 3,2 раза, а тяжелая промышленность — в 3,8 раза. На этом фоне весьма скромным было увеличение численности рабочих (в 1,5 раза) в текстильном комплексе, чей удельный вес в общенациональном составе занятых снизился с 28,9% до 16,2%⁵.

«17 октября 1855 г. Бессемер получил свою первую привилегию на способ изготовления из чугуна ковкого железа и стали пропуская через расплавленный чугун сжатого воздуха. С этих пор наступил век стали, которая начала заменять как в различных производствах, так и в домашнем употреблении, в особенности же при постройке железных дорог, судов, мостов, зданий и т.п. не только железо и другие металлы, но во многих случаях неорганическую материю, как-то: дерево, кожу, волокнистые вещества»⁶.

Динамика распространения стального производства отчетливо видна на примере крупнейшего металлургического предприятия Великобритании «Доулейс айрон компани» (уже в сере-

дине 1840 г. на 40 акрах его территории трудилось 7 300 рабочих и в 18 домах ежегодно производилось 74 800 тонн чугуна). В 1866 г. здесь было получено 2 257 тонн стали, из которых 762 тонны было использовано в качестве рельсов. В 1870 г. выпуск продукции составил соответственно 21 179 и 16 967 тонн, а во второй половине 1870 гг. производство стальных рельсов окончательно перекрывает производство чугунных⁷.

В целом Великобритания была широко известна своими заводами и фабриками. Так, французский общественный и литературный деятель И. Тен, путешествуя по Англии 1861–1862 и 1871 гг. приводит следующие примеры поразивших его предприятий Манчестера: «Производитель ткацких машин Платт делает 23 тыс. спиц в неделю; он прежде делал до 35 тыс.; у него 4800 работников, он имеет на 30 млн дел в год и, говорят, что в прошлом году он вырубил 5 млн ... У другого заводчика строятся локомотивы, от 700 до 800 работников делают 100 локомотивов в год, каждый 75 тыс. франков»⁸.

Не столь бесспорно яркими и продолжительными были в последней трети XIX в. успехи **французской промышленности**. На завершающей стадии промышленного переворота в 1850–1860 гг. она вышла на уровень добычи в 13,2 млн тонн угля и производства 1,2 млн тонн чугуна⁹, однако в дальнейшем темпы роста промышленности снизились. В изменении ситуации, вероятно, сыграли роль демографическая стагнация, низкая мобильность и невысокая производительность труда сельского населения, уменьшившиеся цены на сельскохозяйственную продукцию, относительное замедление урбанизации и прекращение роста инвестиций в общественную инфраструктуру и жилищное строительство¹⁰.

И все же известное снижение темпов не дает оснований не видеть принципиального обновления экономики. Наибольших результатов достигли в последние десятилетия XIX в. инженерное, химическое, резиновое, печатное, бумагоделательное производство, первичная металлургия, электрическая промышленность — т.е. преимущественно капиталоемкие отрасли.

Особенностью французской индустриализации была относительная узость ее энергетической базы. Даже накануне Первой мировой войны собственное угольное производство оставалось весьма скромным, составляя 1/12, 1/5 и 1/7 от добычи в США, Великобритании и Германии. При дороговизне француз-

ского угля и высоких расходах на его транспортировку из северных районов (на границе с Бельгией) недостаточный уровень угледобычи препятствовал динамичному развитию французской металлургии, в том числе и после открытия богатых месторождений железных руд в Брие в начале 1880-х гг.¹¹

Другой особенностью, вероятно, ослаблявшей конкурентные позиции французской экономики, было долго сохранявшихся засилье мелких форм производства. По состоянию на 1872 г. добывающей промышленности на 165 тыс. рабочих приходилось 15 тыс. владельцев предприятий, в крупной фабрично-заводской промышленности — соответственно 1112 тыс. и 183 тыс., в мелкой промышленности — 2337 тыс. и 794 тыс.¹²

На фоне Великобритании и Франции наиболее динамичное экономическое развитие в последней трети XIX в. на европейском континенте демонстрировала **Германия**. Уже к 1870 г. она производила в 2 раза больше угля по сравнению с 1860 г. (26,4 млн тонн против 12,3 млн тонн) больше чугуна (1,4 млн и 0,5 млн тонн) больше стали (0,2 млн и 0,05 млн тонн). В дальнейшем выявилось опережение Германии и по темпам роста¹³.

В периоды депрессии в 1870-х и 1890-х гг. Германия, в отличие от других стран, не испытала глубокого и длительного спада. В это время металлургия, производство текстиля, газовое хозяйство получили мощный импульс. После открытия Бессемера, Сименса-Мартена (1850–1860 гг.) и особенно Гилкриста-Томаса в 1879 г. (благодаря которому могли использоваться германские железные руды с высоким содержанием фосфора) германская сталелитейная промышленность сделала особенно резкий скачок¹⁴.

Промышленные возможности Германии усиливало и то, что кроме каменного угля, она обладала обширными залежами угля бурого. Теплотворная способность последнего была гораздо ниже, но с учетом его доступности он был хорошим энергетическим подспорьем. С его помощью не только отапливались дома в округе, но и могли функционировать предприятия по производству сахара, соли, поташа, других химических продуктов в центральной части Германии.

Еще одной особенностью германской индустриализации было стремительное развитие химической и электротехнической промышленности. Залежи поташа и пиритов предрасполагали к лидерству Германии по легким химикалиям, в то время

как Великобритания продолжала лидировать в выпуске тяжелых химических продуктов. В электротехнической отрасли первопроходцем была «Сименс унд Хальске», в которой уже к 1872 г. работало 543 человека¹⁵, а в начале 1880-х гг. она уже на равных делила рынок электрического оборудования и услуг с американской кампанией Эдисона¹⁶.

Российская промышленность на фоне западноевропейской отставала, и отставала значительно. Если считать, что промышленный переворот по сути дела начался в России в 1830-е гг. и продолжался вплоть до 1880-х гг., то наша страна отставала от Западной Европы как минимум лет на 20. Даже в середине 1880-х гг. на долю металлообрабатывающей, горной и металлургической, химической промышленности приходилось 82 млн, 93 млн, и 34 млн рублей выработки, в то время как продукция хлопчатобумажной отрасли составляла 228 млн рублей, а винокуренной, сахарной и мукомольной — 357 млн, 164 млн 130 млн рублей¹⁷. Среди крупнейших предприятий по объему произведенной продукции в это время значились в основном заведения текстильной и свеклоперерабатывающей промышленности¹⁸.

Промышленный подъем 1890-х гг. (он по сути дела стал началом индустриализации в России) обозначил приоритетное развитие тяжелой промышленности. «Производство чугуна увеличилось за 90-е годы в 3 с лишним раза, добыча каменного угля — почти в 2,7 раза, производство суровых хлопчатобумажных тканей — на 75%»¹⁹. К 1900 г. резко (по сравнению с 1878 и 1890 гг.) выросла энерговооруженность крупной промышленности: в каменноугольной отрасли — с 2,4 тыс. и 17,2 тыс. л.с. до 63,5 тыс. л.с., в черной и цветной металлургии — с 27,9 тыс. и 58,2 тыс. л.с. до 319 тыс. л.с., в металлообработке с — 10,4 тыс. и 34,5 тыс. л.с. до 112,1 тыс. л.с., в текстильной промышленности — с 34,7 тыс. и 89,4 тыс. л.с. до 374,7 тыс. л.с.²⁰

Однако при всей значимости первых успехов российской индустриализации был у нее весьма существенный недостаток — гипертрофированная концентрация промышленности на весьма скромных территориях, что при огромных российских просторах затрудняло динамичное полномасштабное освоение. «Уже в 1858 г. на долю трех крупнейших губерний европейской России (Московская, Владимирская, Петербургская) приходилось 42% общерусского промышленного производства, а на долю трех крупнейших губерний Азиатской России (Енисей-

кая, Семипалатинская, Якутская) — всего лишь 0,4%. В 80-х гг. XIX в. Московская и Петербургская губернии сосредоточивали около 28% бумагопрядения, до 40% бумаготкачества и свыше 70% машиностроения. Всего же в то время в России насчитывалось 65 губерний»²¹. По сути дела к концу XIX в. в России сложилось 4 главных экономических района: Донбасс, Московский, Петербургский районы и район Царства Польского, а все остальное составляло экономическую периферию.

Другая специфическая российская черта — ранний по сравнению со всеми другими странами переход России на нефтяное топливо. Если в России в 1891–1900 гг. соотношение между угледобычей и нефтедобычей по весу колебалось в пределах 1,39:1 до 1,80:1, то в другой нефтяной державе — США — от 20,284:1 до 27,687:1. По мнению И.А. Дьяконовой, последствия этого были неоднозначны. «С одной стороны, переход к широкому использованию нефти в качестве промышленного топлива помог гораздо более интенсивному формированию фабрично-заводской промышленности в ряде мест, в частности, Центрально-Промышленном районе (Московская, Смоленская, Тульская, Рязанская, Тверская, Владимирская, Ярославская, Нижегородская губернии) и в Средне-Поволжском районе. ...С другой стороны, — Россия, потребляя в начале XX в. нефтяного топлива, более чем вся Западная Европа, сжигала его (с точки зрения открывшихся вскоре перспектив) крайне неэкономическим образом — под котлами паровых машин, а не использовала в двигателях внутреннего сгорания...»²². Для нефтяной отрасли была свойственна все та же гипертрофированная концентрация в одном небольшом районе — Бакинском, а это подрывало энергетическую устойчивость и географически оптимальное развитие народнохозяйственного комплекса.

Индустриализация — это, однако, не только ускоренное развитие тяжелой промышленности, но и эксплуатация достижений «революции коммуникаций». Основа этой революции — **железнодорожный транспорт**, возник в 1830-е гг. и к середине XIX в. в европейских странах была создана весьма плотная сеть железных дорог (10,7 тыс. км. в Англии; 3,1 тыс. км. во Франции; 5,9 тыс. км. в Германии и только 0,4 тыс. км. в России). К 1880 г. по протяженности железных дорог на 1-е место в Европе вышла Германия (33,3 тыс. км.), а к 1900 г. — Россия (53,2 тыс. км.). К концу XIX в. наблюдается невидан-

ная концентрация железных дорог в руках акционерных обществ. Например, в Великобритании к 1909 г. средний капитал 20 наиболее значительных железнодорожных компаний был на уровне 52 млн ф. ст., а каждый из 3 наиболее выдающихся гигантов оперировал 193 млн, 125 млн и 96 млн ф. ст.²³. Отмечено, что при создании железных дорог использовалась как частная инициатива, так и финансирование из государственной казны. Особенно это было свойственно Германии, где до объединения страны в 1871 г. железные дороги строились хаотично, без продуманного плана. К правительственному вмешательству в железнодорожное дело проявили склонность Ганновер и Баден, Бавария и Пруссия. После объединения германских государств частные дороги выкупались постепенно казной и затем функционировали так же эффективно как частные американские железные дороги²⁴.

Кстати, по тому же пути пошло, и российское правительство с начала 1880-х гг., и к 1900 г. государственный сектор включал 70% железнодорожной сети страны. В то же время 16 тыс. верст путей частных железных дорог оказались в руках 7 крупнейших акционерных обществ с капиталом в 1,4 млрд. руб.²⁵

Что касается **банковского капитала**, то на стадии промышленного переворота даже в наиболее развитых странах банки в силу своей маломощности специализировались преимущественно на краткосрочном кредитовании. Картина кардинально меняется в индустриальную эпоху, когда происходит резкий рост акционерных банков, в том числе и за счет поглощения частных банков. В **Великобритании** 1891–1902 гг. имело место 114 банковских слияний. Общее число независимых банковских фирм сократилось со 168 в 1891 г. до 66 в 1914 г. В это время крупнейшие провинциальные банки (Lloyds Bank и London City and Midland Bank) переводят свои штаб-квартиры в столицу²⁶.

Именно они (вместе с Union London and Smith's Bank, National Provincial Bank of England) лидируют среди английских банков по размерам капитала (15–23 млн ф. ст.). Колониальные банки (Standard Bank of South Africa, Union Bank of Australia, Bank of Africa) по объему своих операций несколько уступают перечисленным выше интегрирующую функцию в рамках Британской империи²⁷.

Если мировой финансовой столицей безусловно оставался Лондон (см. табл. 1), Франция и ее столица Париж занимала почетное второе место в Европе.

Таблица 1
*Размеры банковских вкладов в ведущих странах мира в 1872–1873 гг. и 1891 г., в млн ф. ст.*²⁸

Столицы мира	Банковские вклады	
	в 1872–1873	в 1891
Лондон	120	216
Париж	13	28
Нью-Йорк	40	80
Берлин	8	25

Во **Франции**, в отличие от Великобритании, число и активность банковских учреждений изначально были более скромными. Вплоть до середины XIX в. процесс кредитования на большинстве французской территории носил случайный и непрофессиональный характер. В нем участвовали менялы, купцы и нотариусы, а в Париже царствовала узкая группа частных банкиров, близких ко двору, но не производивших масштабных капиталовложений в национальную экономику.

Ситуация стала меняться после революции 1848–1849 гг. Если первый крупный акционерный банк — Credit Mobilier, собравший 60 млн франков капитала, отличал известный авантюризм и слишком тесная связь с авторитарным режимом Наполеона III, то для его последователей была характерна более взвешенная политика. Организованная в 1863 г. Credit Lyonnais, тогда в единственном числе персонифицировала провинциальный капитал (из г. Лиона и его окрестностей). Банк старался максимально внимательно работать с клиентами, снизив минимальную сумму для открытия счета до 50 франков, (в других банках она была выше) и оказывая ряд услуг бесплатно. Результаты не замедлили сказаться: к 1869 г. при капитале 22 млн франков банк сумел привлечь вкладов на 83 млн франков²⁹.

И Credit Lyonnais, и Societe' General, и прочие акционерные банки «базировались на анонимных вкладах, формирующихся из небольших. Это были капиталы, необходимые для создания отраслей тяжелой промышленности, производства железа и стали, горнодобывающей промышленности, судостроения, добычи светильного газа, перестройке городов». Эти

банковские фирмы, учтя ошибки своего предшественника — Credit Mobilier, обслуживали разнообразный круг клиентов: как крупные компании, выполнявшие важные государственные заказы, так и компании меньших размеров, а также частных лиц (кредитование операций по сдаче в наем, открытия кредитов под государственные чеки)³⁰.

Впрочем, известной особенностью французского банковского капитала, ослабляющей его позитивное применение на внутреннем рынке, был его неумеренный международно-ростовщический характер. «Экспорт капитала из Франции приковывает внимание не столько своим абсолютным количеством, которое было значительным, сколько тем, что он представлял такую большую часть доходов страны. Между 1880 и 1913 гг. 1/3–1/2 доходов Франции инвестировалось в зарубежные страны»³¹.

На этом фоне **германские банки** вели себя более «патриотично». Становление акционерных банков здесь происходит примерно уже к 1865 г. Совокупный капитал банков только Рейнского района достигает 83 млн талеров (в 1835 г. — только 5,5 млн талеров)³². Совмещая, в отличие от английских банков, депозитные и инвестиционные функции³³, германские банки за 1885–1900 гг. влили в экономику ценностей на 12 млрд. ф. ст. Особенно отличились в этом деле Dresdner bank и Schaaffhausen' Bankverein. Berliner Handels Gesellschaft специализировался на проникновении в тяжелую промышленность (в первую очередь — в угольную отрасль), Bank in Darmstadt — на железных дорогах, Deutsche Bank — курировал электротехническую промышленность, а инвестиционный портфель Discont-Gesellschaft был весьма разнообразен, но угледобыча опять таки занимала в не весьма почетное место³⁴.

«Препятствием к развитию у нас заводского дела считают обыкновенно два главных обстоятельства: недостаток капитала и недостаток предприимчивости», — утверждал в начале 1880-х гг. великий русский ученый и эксперт в области организации промышленности Д.И. Менделеев³⁵.

В России до Крестьянской реформы 1861 г. отсутствовала развитая банковская система: в стране действовали придворные банкиры и скромный, учрежденный на государственные средства Коммерческий банк, а кредитование сводилось преимущественно к ипотеке. Однако вскоре после 1861 г. под патронажем и при содействии государства происходит насаждение частных

акционерных банков. К 1870 г. в России функционировало 7 акционерных учреждений с капиталом в 37 млн рублей, а с 1870 по 1873 гг. было учреждено еще 53 банков с капиталом в 107,9 млн руб. (39 банков с капиталом 71,4 млн руб. были коммерческими, а 14 — с капиталом 36,5 млн руб. — земельными).

И все же «лишь после 1880 г. коммерческие банки начали выдвигаться на первый план во многом благодаря их согласию давать ссуды под акции и другие обеспеченные бумаги, а также вследствие повышения интереса в обществе к ценным бумагам»³⁶. Промышленный же подъем 1890-х гг. и денежная реформа С.Ю. Витте окончательно укрепили частный капитал. К началу XX века в стране складываются банковские группы. Вместо эпизодического финансирования промышленности крупнейшие банки — Петербургский Международный, Азово-Донской и Русско-Азиатский — берут курс на постоянную опеку конкретных предприятий. В состав подобных групп «входили несколько банков-сателлитов, один-два земельных банка, страховые компании, железнодорожные общества и большое число промышленных предприятий, группировавшихся более или менее компактные объединения»³⁷. Сами же лидеры банковского бизнеса накопили весьма солидные капиталы. На 1 января 1914 г. Азово-Донской банк располагал 92,5 млн рублей, Петербургский Международный — 79 млн, Русско-Азиатский 78,5 млн рублей.

В отношении **аграрного сектора** следует сказать, что здесь различия между Россией и Западной Европой были особенно разительны. В силу сезонности этого вида производства и его исключительной зависимости от природно-климатических факторов оно требует особых технологических вложений и масштабного социального опыта. Между тем сельское хозяйство оказалось серьезно обременено феодальными пережитками и, несмотря на начавшуюся после 1861 г. «капитализацию», удельный вес дворянского землевладения был еще довольно высок (по Европейской России в 1877 г. — 19,2%, а в 1905 г. — 13,4%). Но и в крестьянском хозяйстве (по причине острого недостатка земли, отсутствия денежных средств у крестьян, неполноправности мелких сельских производителей) техническое перевооружение осуществлялось медленно³⁸. В начале 1870-х гг. ввоз и производство сельскохозяйственных машин в России оценивались лишь в 2,3 млн руб. в год, а в

1890 г. — в 5 млн руб. В 1900 г. ввоз и потребление достигли 26,3 млн руб., что на фоне США, где было произведено сельскохозяйственных орудий на 157,7 млн долл. или на 315,3 млн руб., выглядело весьма и весьма скромно. «Бедняки с трудом покупали плуги ценой в 19–33 руб., недорогие веялки и другие орудия, а кулаки, помимо них покупали жатки-сноповязалки ценой 450–600 руб., молотилки и сенокосилки по 200–400 руб.»³⁹. Более того, согласно переписи 1912 г. 31,5% хозяйств были безлошадными, а преобладание в XIX в. (как и в XVII в.) трехпольной и переложной систем при недостаточном удобрении приводило к падению плодородия почв. В условиях стремительного демографического роста⁴⁰ и весьма неустойчивого климата (особенно в Поволжье, где со 2-й половины усиливаются засухи) продовольственная проблема в России резко обостряется⁴¹.

Описанная ситуация резко контрастировала с положением сельского хозяйства в Западной Европе. В Англии, например, рационализация в сельском хозяйстве применялась с XVII в., а со второй половины XIX в. начинается масштабная механизация аграрного производства. Международная выставка 1851 г. в Лондоне познакомила англичан и других европейцев с американской жаткой Маккормика и высветила известное отставание европейцев в техническом оснащении аграрного сектора. В то же время она стимулировала внедрение новшеств. Во всяком случае, к 1874 г. 47% зерновых в Великобритании убиралось с помощью английских и американских жатвенных машин (в США жатки убрали в 1870 г. 78% урожая)⁴². К концу XIX в. около 900 фирм трудилось на ниве сельскохозяйственного машиностроения, в том числе и такие крупные, как: «Ренсом» из Илсвича (2500 занятых на 1911 г.), «Клейтон Энд Шатоллворд» из Линкольна (2300 рабочих на 1907 г.), «Маршалл» из Гейнсборо (4500 рабочих на 1900 г.), «Бэмфорд» из Уоттстокстера (400 человек в 1893 г.)⁴³.

На европейском континенте, хотя прогресс сельского хозяйства был более умеренным, он вполне соответствовал параметрам начавшейся индустриализации. Во Франции главной проблемой было малоземелье⁴⁴ и перенаселенность деревни, но, несмотря на это, в последнее десятилетие XIX в. интенсивно развивалось виноделие и животноводство. В Германии, с одной стороны, «пруссский путь» развития капитализма

ма в сельском хозяйстве разорял крестьянство и задерживал расширение внутреннего рынка, но с другой — способствовал созданию ремесла и домашней промышленности, нуждавшихся не только в сырье, но и в промышленных полуфабрикатах. Притом, что германское сельское хозяйство пользовалось активной поддержкой со стороны государства, оно многого и добилось. На рубеже XIX–XX вв. каждые 100 акров обрабатываемой площади в Германии кормили 70–75 человек, давали 35 тонн зерна, 55 тонн картофеля, 4,5 тонны мяса (соответствующие цифры для Великобритании были (45–50 человек, 15 тонн зерна, 11 тонн картофеля, 4 тонны мяса)⁴⁵.

В целом степень экономического отставания России от европейских держав иллюстрируют 2 таблицы, заимствованные нами у П. Кеннеди⁴⁶. Согласно табл. 2 Россия потеряла лидерство по валовому национальному продукту в середине XIX в. и к 1890 г. оказалась на третьем месте в Европе по данному показателю. В то же время по душевому валовому национальному продукту (см. табл. 3) Россия безнадежно отставала от европейских стран как в первой трети XIX века, так и в середине и даже в конце столетия. По сути дела этот показатель оставался на одном и том же уровне, испытав только некоторое увеличение в 1870–1880 гг.

Таблица 2

Валовой национальный продукт великих европейских держав в 1830–1890 гг. (в млрд. долл. в ценах 1860 г.)

Страны	1830 г.	1840 г.	1850 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1890 г.
Россия	10,5	11,2	12,7	14,4	22,9	23,2	21,1
Франция	8,5	10,3	11,8	13,3	16,8	17,3	19,7
Великобритания	8,2	10,4	12,5	16,0	19,6	23,5	29,4
Германия	7,2	8,3	10,3	12,7	16,6	19,9	26,4
Австро-Венгрия	7,2	8,3	9,1	9,9	11,3	12,9	15,3
Италия	5,5	5,9	6,6	7,4	8,2	8,7	9,4

Таблица 3

Душевой валовой национальный продукт великих европейских держав в 1830–1890 гг. (в долл. в ценах 1860 г.)

Страны	1830 г.	1840 г.	1850 г.	186 г.	1870 г.	1880 г.	1890 г.
Великобритания	346	394	458	558	628	680	785
Италия	265	270	277	301	312	311	311
Франция	264	302	333	365	437	462	515
Германия	245	267	308	354	426	443	537
Австро-Венгрия	250	266	283	288	305	315	361
Россия	170	170	175	178	250	224	182

Таким образом, ключевые элементы индустриализирующейся экономики в России резко отставали от западноевропейской. Хотя в Западной Европе в каждой из стран существовали свои особенности, которые не всегда гарантировали динамичное развитие абсолютно всех секторов, но высокая концентрация производительных сил на ограниченных пространствах создавала условия для быстрого преодоления негативных явлений.

Разумеется, российская экономика была рыночной. «Государственные предприятия играли в России не большую роль, чем в Западной Европе. ... Таможенные пошлины и косвенные налоги определялись исключительно соображениями пополнения государственных доходов и не играли роли инструментов промышленной политики. Российское государство на самом деле играло важную роль в железнодорожном строительстве, но государственное финансирование железных дорог не является аргументом в пользу тезиса о нерыночном распределении ресурсов в России»⁴⁷. Большинство зарубежных исследователей признают заметное экономическое продвижение России. «Расчеты А. Гершенкрона, а затем Р. Голдсмита показали высокие темпы развития промышленности в России в конце XIX–начале XX века. ... А.А. Милворд и С. Соул констатируют, что с 1890 г. промышленный рост России был самым быстрым в Европе»⁴⁸.

Но в то же время верно и то, что «быстрый рост крупнейшей машинной индустрии и чрезвычайная устойчивость от-

сталых форм ручного, ремесленного производства; очевидные успехи земледелия окраинных районов и застой сельского хозяйства и европейского центра — все это крайне затрудняет оценку темпов и результатов капиталистической эволюции России»⁴⁹.

Примечания

¹ См.: Саломатин А.Ю. Рождение индустриальной экономики в США // Вопросы истории. 1998. № 3; Саломатин А.Ю. Индустриализация в США и ее влияние на сферу политики и права (последняя треть XIX в.) // Экономическая история. Обзор. Выпуск 8. М., 2002.

² Hyam R. Britain's Imperial Century. 1815–1914. L., 1975. P. 47.

³ Davis L.E. and Huttenback R.A. Mammon and Pursuit of Empire. The Economics of British Imperialism. Cambridge, 1988. P. 58.

⁴ Pollard S. and Crossley D.W. The Wealth of Britain. 1085–1966. L., 1968. P. 226, 227.

⁵ Подсчитано по: Crouzet F. The Victorian Economy. L., 1982. P. 67.

⁶ Кулишер И.М. Промышленность и условия труда на Западе в XIX столетии. Пг., 1923. С. 149.

⁷ Jones E. The Transition from Wrought Iron to Steel Technology at Dow Lais Iron Company, 1850–1890 // The Challenge of New Technology: Innovation in British Business since 1850. Aldershart, 1988. P. 43, 52, 53.

⁸ Тэн И. Очерки Англии. СПб., 1872. С. 212, 213.

⁹ Экономическая история капиталистических стран. М., 1985. С. 285.

¹⁰ Price R. An Economic History of Modern France, 1730–1914. L., 1981. P. 230, 232.

¹¹ Trebilcock C. The Industrialization of the Continental Powers. 1780–1914. L., and N.Y., 1981. P. 167–168.

¹² Желубовская Э.А. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956. С. 25.

¹³ Rostow W. W. The World Economy. History Prospect. Austin, L., 1978. P. 395, 403.

¹⁴ Henderson W.O. The Rise of German Industrial Power. 1834–1914. Berkeley–Los-Angeles, 1975. P. 131–143.

¹⁵ Kitchen M. The Political Economy of Germany. 1815–1914. L., Montreal, 1978. P. 123, 124.

¹⁶ Хауч Г. Империя «АЕГ–Телефункен». М., 1982. С. 41–43.

¹⁷ Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России, 1850–1880 гг. М., 1987. С. 186.

¹⁸ Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887. С. VII.

¹⁹ Хромов П.А. Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитала в России. М., 1982. С. 41.

²⁰ Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 245–246.

²¹ Цыпин Б.Л. Социально-экономические проблемы промышленной революции XVIII–XIX веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. Л., 1971. С. 22–23.

²² Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М., 1999. С. 67, 126–127.

²³ Perkin H. The Age of the Railway. L., 1970. P. 178.

²⁴ Marshall A. Industry and Trade. L., 1920. P. 447, 499.

²⁵ Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт в России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 293, 294.

²⁶ Crouzet F. The Victorian Economy... P. 333, 334.

²⁷ Statistics for Great Britain, Germany and France. Washington, 1910. Table 11, 12, 14.

²⁸ Таблица составлена на основании данных: Бэдждот В. Ломбард–Стрио. СПб., 1901. С. 3.

²⁹ Palmade G.P. French Capitalism in the 19th Century. Newton abbot, 1972. P. 133, 134.

³⁰ Беллон Б. Финансовый капитал и промышленность во Франции. М., 1983. С. 90.

³¹ White H.D. The French International Accounts. 1880–1913. N.Y., 1978. P. 269.

³² Tilly R. Financial Institutions and Industrialization in the Rhineland. 1815–1870. Madison, Milwaukee and L., 1966. P. 61.

³³ Роде Э. Банки, биржи, валюты современного капитализма. С., 1986. С. 19, 71.

³⁴ Trebilcock C. The Industrialization of the Continental Powers... P. 95.

³⁵ Менделеев Д.И. Проблемы экономического развития России. М., 1960. С. 152.

³⁶ Готтрелл П. Значение великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 122.

³⁷ Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. М., 1988. С. 88.

³⁸ Дружинин М.Н. Избранные труды. Социальная экономическая история России. М., 1987. С. 347–348.

³⁹ Тюкавкин В.Г., Скрябин В.И. Применение машин в сельском хозяйстве России в конце XIX начале XX в. // Аграрная эволюция России и США в XIX–начале XX в. М., 1991. С. 273, 290.

⁴⁰ Кабузан В.М. Естественный прирост, миграция и рост населения Европы и Российской империи в XVIII–начале XX в. // Отечественная история. 2001. № 5. С. 157.

⁴¹ Пантин В.И. Второй социально-экологический кризис в России: причины и последствия. // ОНС. 2001. № 2. С. 116–117.

⁴² David P. The Landscape and the Machine: Technical Interrelatedness Land Tenure and the Mechanization of the Corn Harvest in Victorian Britain // Essays on a Mature Economy: Britain after 1840. Ed. By D.N. McCloskey. L., 1971. P.145–214.

⁴³ Collins E.J.T. The Age of Machinery // The Victorian Country-side. Vol. 1. L. and Boston, 1981. P. 204.

⁴⁴ Левитский В.Ф. Сельскохозяйственный кризис во Франции (1862–1892). Харьков, 1899. С. 24.

⁴⁵ Knowles L.C.A. Economic Development in the 19th Century.–France, Germany, Russia and the USA. L., 1947. P. 73.

⁴⁶ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N.Y., P. 170, 171.

⁴⁷ Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста. // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001. С. 59.

⁴⁸ Бовыкин В.И. Финансовый капитал России накануне Первой мировой войны. М., 2001. С. 17.

⁴⁹ Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России (конец XIX в.–1908 г.). М., 1984. С. 3.

ИСТОРИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ